

этесса стремится подчеркнуть *обоюдную значимость* культур, в которых она сформировалась и существует творчески, их теснейшую связь, неразрывность.

В заключительной строфе произведения автор словно бы соединяет *все* сигналы дуальности, которые присутствуют в стихотворении:

*Две культуры, два духа... Вдвойне
нам достанет родительской речи...
Плуги нежны на новой стерне
прежних кладбищ... Озимые крепче.*

Именно в приведённых словах и заключён, как представляется, основной концептуальный смысл произведения: выражение *Вдвойне нам достанет родительской речи* свидетельствует о том, что поэтесса оба языка воспринимает как родные, материнские (*родительские*), которые после множества испытаний, вопреки всему, *прорастают* из заложенных каждой из родительских культур: *Плуги нежны на новой стерне прежних кладбищ... Озимые крепче.*

Литература

1. Арнольд, И. В. Значение сильной позиции для интерпретации текста / И. В. Арнольд // Иностранные языки в школе. – 1978. – № 4. – С. 23 – 30.
2. Хализев, В. Е. Теория литературы : Учебник для студ. вузов / В. Е. Хализев. – М. : Высшая школа, 1999. – 398 с.

Источники

3. Зейферт, Е. И. Веснег / Е. И. Зейферт. – М. : Время, 2009. – 358 с.
4. Кузнецов, С. А. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : «Норинт», 2000. – 1536 с.
5. Duden. Deutsches Universalwörterbuch [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.duden.de>. – Дата доступа : 26.01.2019.

A. M. Semenova

Vitebsk State University named after P. M. Masherov

e-mail: anna.sem.96@mail.ru

Linguistic embodiment of biculturalism of the author-lyrics in Elena Seifert's poem "Die Russlanddeutsche"

Key words: lyrics, biculturalism, linguistic signals, Russian language, German language.

The article, based on the material of E. Zeifert's lyrical poem «Die Russlanddeutsche», reveals linguistic signals reflecting the author's appeal to two cultures simultaneously – Russian and German, analyzes the most vivid individual author's means by which the conceptual meaning of the work is embodied.

УДК 811.161.1'255.2:821.161.3-31.09

Т. П. Слесарева

Витебский государственный университет имени П. М. Машерова

e-mail: slestp@yandex.ru

Белорусские языковые элементы в русском переводе романа Владимира Короткевича «Черный замок Ольшанский»: семантика и функционирование

Ключевые слова: белорусизм, русскоязычный текст, семантические особенности, перевод, соответствие.

При переводе текстов художественных произведений переводчик старается передать при помощи языковых средств национальный колорит, ярко описать языковые концепты той или иной культуры. В статье рассматриваются белорусские языковые элементы, встретившиеся в русском переводе романа Владимира Короткевича «Черный замок Ольшанский», определяется семантика этих элементов и их функциональная нагрузка.

Исторические судьбы русского и белорусского народов характеризуются общими чертами, а системы двух языков – родством и близостью.

Поскольку при переводе текстов художественных произведений перед переводчиком стоит непростая задача – при помощи языковых средств передать национальный колорит, описать языковые концепты той или иной культуры, то в переводной текст вводятся иноязычные языковые элементы.

Белорусское слово включается в русский текст по разным причинам: оно не имеет однословного эквивалента в русском языке или лексемы известны обоим языкам, но в белорусском языке они получают и другое значение.

Наши наблюдения построены на материале авторизованного перевода с белорусского языка романа «Черный замок Ольшанский» классика белорусской литературы Владимира Семеновича Короткевича [4].

Среди белорусских языковых элементов в русском переводе данного романа нами были выявлены имена существительные (*хата, рушник, мастак, хлопец, чарка, женка, бульба, спарыш, жито* и др.), глаголы (*гомонить, фундовать, не докликаться*), наречия (*трошки, трохи, не шибко* и др.), частица *нехай*, местоимение *ихней*, фразеологизмы и конструкции с существительными в форме звательного падежа.

Среди белорусских имен существительных, зафиксированных нами в тексте на русском языке, оттенки национально-культурного характера несут такие слова, как *хата, рушник, бульба*.

Хата – срубная изба – традиционное жилище белорусов («*Хата была как хата*» [4, 181]. В русском языке употребление этого слова означало плохую избу. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова в толковом словаре русского языка указывают: хата, -ы, ас. На Украине, в Беларуси, на юге России: крестьянский дом [6]

В белорусском языке данное существительное имеет более широкую семантику. Так в Толковом словаре белорусского языка *хата*: **1.** Жылая сялянская пабудова, зрубленая з бярвення. **2.** Унутраная частка такой жыллёвай пабудовы; жылое памяшканне. **3.** Асобны сялянскі двор, гаспадарка; асобная сям'я. **4.** У назвах некаторых сельскіх устаноў (*Хата-чытальня. Хата-лабараторыя*).

Основной продукт белорусской кухни – картофель (по-белорусски «*бульба*»). «*Иди ополоснись в реке да возвращайся побыстрее бульбу жареную есть*» [4, 208]. Слово *бульба* в белорусском языке имеет следующие значения: **1.** Аднагадовая агародная расліна сямейства паслёнавых. **2.** Зборны назоўнік Падземныя клубні гэтай расліны, якія выкарыстоўваюцца як харч, корм і сыравіна. **3.** Назва беларускага народнага танца.

Для белорусов в разные времена *рушник (ручнік)* являлся чем-то священным и связан со многими верованиями, празднествами и традициями. Важную роль играл на свадьбах, в погребальных обрядах, до настоящего времени сохранился обряд встречать дорогих гостей хлебом-солью, расположившихся на рушнике. В Толковом словаре белорусского языка *ручнік* – вузкі прадаўгаваты кавалак тканіны, спецыяльна прызначаны для выцірання твару, рук, цела ці пасуды: «Хорошо, когда кожа краснеет от сурового *рушника!*» [4, 17].

Интересными с точки зрения семантики нам показались такие белорусские слова, как *спарыш, кавалер, дэвотка*.

Спарыш – двойняшка: два горшка, соединённые ручкой, чтобы носить обед на поле. Но в Толковом словаре белорусского языка мы находим: 1) два спаранья прадметы (пра плады, расліны і пад., якія зрасліся). 2) аднагадовая расліна сямейства драсёнавых, якая расце каля дарог, добра паядаецца жывёлай і птушкамі.

В русском языке слово **кавалер** обозначает лицо мужского пола, сопровождающего даму в гостях, на прогулке, также танцует с ней в паре. Однако, в белорусском языке это слово имеет дополнительное толкование – «холостяк»: «Мне без малого 38 лет. Старый **кавалер**, как говорила моя знакомая Зоя Перервенко, с которой у меня тогда как раз кончался короткий и, как всегда, не очень удачный роман» [4, 7].

Белорусское слово «**дэвотка**» интерпретируется как «слишком набожная женщина (чаще стареющая или старая), ханжа, святоша»: «По крайней мере, для вас, а не для костельных **дэвоток**» [4, 107].

Национально-культурный фон белорусов репрезентируют в тексте имена собственные, среди которых выделяются имена персонажей (**Антось** (ру Антон), **Михась, Алесь, Ганна, Ничипор, Микола, Рыгор** (рус. Григорий) **Иванович, Валентина Волот** («волат» – бел. исполин, великан), **Мультан** («мульта» – турецкий табак, в переносном значении – нечто отменное, слишком сильное), **Потеруха** («пацяруха» – бел. труха), **Михаил Иванович Змогитель** – филолог, преподаватель белорусского языка (от белорусского «змагацца» – бороться, или от «змагчы» – смочь).

Упомянуты в тексте романа имена реальных исторических личностей, которые внесли свой вклад в историю Белоруссии: **Микола (Николай) Радзивилл** (князь, государственный деятель Великого княжества Литовского), **Витовт Ольшанский** (князь, представитель древнего рода Ольшанских), его жена **Ганна-Гордислава, Ян Борщевский** (белорусский писатель и прозаик), **Веслав Брячиславович**, прозванный Чародеем (князь Полоцкий (1044 – 1101)), **Франциск Скорина (Францыск Скарына)** (белорусский первопечатник (первая книга была напечатана в 1517 – 1519 гг.), **Туровский Кирилл** (знаменитый деятель древнерусской литературы, выдающийся проповедник и поэт), **Зизаний (Тустановский) Лаврентий** (белорусский педагог, церковный деятель, переводчик), **Богушевич Франтишек Казимирович** (белорусский поэт-демократ, основатель реализма в белорусской литературе), **Чечот Ян** (белорусский и польский поэт, фольклорист), **Тяпинский (Амельянович) Василий Николаевич** (белорусский гуманист, радикально-реформационный деятель, книгоиздатель).

Нами зафиксированы разовые употребления в русскоязычном тексте таких белорусских глаголов, как **гомонить, фундовать, не докликаться**.

Данные толковых словарей свидетельствуют о том, что глагол «**гомонить**» (бел. гаманіць) выступает в одинаковых лексических значениях в обоих языках: «говорить громко, шуметь»: «Но автобус **гомонил**, и никто ни на кого не обижался» [4, 103].

Фундовать – основывать что-либо, жертвовать на что-либо; делать во что-то вклад, а также ставить угощение, хотя это и не совсем из этой оперы. «... да и впрямь **фундовать** костёлы» [4, 103].

В тексте «Черного замка Ольшанского» нам встретились такие белорусские наречия, как **трошки, трохи**. Слово **трошки** в русском языке имеет значение «немного, немножко», в белорусском языке **трошкі** – «нямнога, крышку, чуць». «Н-да, я-таки надедал **трошки** глупостей» [4, 329].

Частица **нехай** употребляется при выражении невозражения против чего-либо, согласия с кем-либо, чем-либо и соответствует по значению частице «пусть», которая служит для образования форм императива: «Остальное **нехай** хоть сторит» [4, 291]. В белорусском языке значение данной частицы такое же.

Близкое родство русского и белорусского языков приводит к тому, что наличие белорусизмов может вызываться также интерференцией, которая представляет собой их функционально не обусловленное употребление в художественной речи.

Например, несмотря на то, что в русском литературном языке такого притяжательного местоимения, как *ихний*, не существует, в разговорной речи слышать его приходится довольно часто. В русскоязычном тексте анализируемого романа это местоимение нами зафиксировано: «...холера бы *ихней* матери» [4, 234]. Семантика данного местоимения одинакова в обоих языках. Так, в русском языке *ихний* (простореч.). Принадлежащий им, а в белорусском – *іхні*, -яя, -яе; займеннік прыналежны. Які належыць ім.

Особую роль в тексте любого художественного произведения играют фразеологизмы. В русском тексте «Черного замка Ольшанского» они ярко передают белорусский колорит, поскольку некоторые употребляются без перевода: «Возьми *лахі пад пахі*» («вещи под мышку»); «Ну и топай, дорогой, прочь *ад брамы ды прама* («от ворот поворот»); «*Quod licet Jovi, non licet bovi*, – с иронией сказал Адам. – Что дозволено Юпитеру, то не дозволено быку. – По-белорусски об этом сказано лучше: «*Што папові можна, то дзякові зась*». Что попу можно, то дяку – не смей! Или: «*Што можна ваяводзе, то не табе, смуродзе*». Что можно воеводе, то не тебе, вонючка» [4, 321].

Нельзя не отметить звательный падеж (клічны склон), который до сих пор живет в белорусском языке: «Глупости, *пане* мой голубчик!» [4, 80]. «Я страшно беспокоюсь, *Адаме*» [4, 55]; «Так что ты там, *Антосю*, говорил про головолмку?» [4, 142]; «*Человече*, – вдруг посерьезнел Хилинский, – ты вообще-то имеешь представление, де ты и когда ты?» [4, 88]; «Это, *брате*, знаменитый бандит» [4, 178].

Таким образом, в переводных текстах «употребление национальной лексики неизбежно и необходимо» [1], поскольку переводчик стремится почувствовать особый мир оригинала, в котором содержится художественный образ иной культуры. Слова белорусского языка, встречающиеся в русском переводе романа Владимира Короткевича, имеют в основном соответствующие по форме и содержанию слова на русском языке и являются средствами создания особого мира белорусов, выступают средствами передачи самобытной ментальности, культурно-этнографических традиций, передают национальный белорусский колорит.

Литература

1. Гируцкий, А. А. Белорусско-русский художественный билингвизм: типология и история, языковые процессы / А. А. Гируцкий. – Минск : Университетское, 1990. – 175 с.
2. Ефремова, Т. Ф. Толковый словарь русского языка / Т. Ф. Ефремова. – М., 2009 – 1165 с.
3. Журавлева, Н. Н. Смысловая и стилистическая нагрузка белорусизмов в русскоязычном тексте / Н. Н. Журавлева, О. В. Потапова // Язык и социум: материалы IX Междунар. науч. конф., 3–4 декабря 2010 г.: в 3 ч. / Белорус. гос. ун-т; редкол.: Л. Ф. Гербик (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2011 – Ч. 3 – С. 66–69.
4. Короткевич, В. Черный замок Ольшанский: Роман; Дикая охота короля Стаха: Повесть / В. Короткевич. – Минск : Маст.літ., 1984. – 527 с.
5. Махонь, С. В. Белорусские языковые элементы в переводах одинаковых художественных текстов / С. В. Махонь // Вопросы лингвистики. – 1996 – № 1 – С. 73–78.
6. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М.: ООО «А ТЕМП», 2006. – 944 с.
7. Туксаитова, Р. О. Художественный билингвизм: к определению понятия / Р. О. Туксаитова // Известия Уральского государственного университета. – 2005. – № 39. – С. 198–206.
8. Ушаков, Д. Н. Толковый словарь русского языка / Д. Н. Ушаков. – М. : Альта-Принт, 2005. – 1216 с.
9. Хухуни, Г. Т. Межкультурная адаптация художественного текста: Монография / Г. Т. Хухуни, И. И. Валуйцева. – М.: Прометей, 2003. – 172 с.
10. Язык, сознание, этнос, культура. – М.: Наука, 1994. – 343 с.

T. P. Slesareva
Vitebsk State University named after P. M. Masherov
e-mail: slestp@yandex.ru

**Belarusian language elements in the Russian translation
of Vladimir Korotkevich's novel "Black castle Olshansky": semantics and functioning**

Key words: belorusizm, the Russian-language text, semantic features, translation, matching.

When translating literary texts, the translator tries to convey the national color with the help of linguistic means to describe the linguistic concepts of a particular culture vividly. The article deals with the Belarusian language elements encountered in the Russian translation of the novel by Vladimir Korotkevich "Black castle Olshansky", defines the semantics of these elements and their functional yield.

УДК 82.09

Н. С. Степанова
ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»,
Российская Федерация
e-mail: ns-kursk@yandex.ru

**Феномен родного языка в автобиографической прозе
первой волны русской эмиграции**

Ключевые слова: родной язык, автобиографическая проза, первая волна русской эмиграции, И. А. Бунин, В. В. Набоков.

Статья посвящена исследованию феномена родного языка в автобиографической прозе первой волны русской эмиграции, который отражает универсальный художественный опыт, зафиксированный в культурной памяти; оказывает непосредственное влияние на формирование стиля и художественных особенностей; выражает индивидуально-авторское осмысление сущности характеров и явлений.

«Язык Бунина прост, почти скуп, чист и живописен, – писал К. Г. Паустовский. – Но вместе с тем он необыкновенно богат в образном и звуковом отношении – от кимвального пения до звона родниковой воды, от размеренной чеканности до интонаций удивительно нежных». «Богатство и выразительность народного говора для Бунина, – констатировал Ю. Мальцев, – есть свидетельство талантливости самого народа. Оторванность от стихии родного языка заставляет Бунина острее почувствовать поливалентность русского слова, постигнуть его “таинственную жизнь”», «Бунин достигает небывалой языковой виртуозности» [9, 289].

«Без преувеличения, не было подобного языка до Шмелева в русской литературе, – размышлял О. Н. Михайлов. – Писатель расстилает огромные ковры, расшитые грубыми узорами сильно и смело расставленных слов, словец, словечек <...> Теперь на каждом слове – как бы позолота, Шмелев не запоминает, а реставрирует слова. Издалека, извне восстанавливает он их в новом, уже волшебном великолепии» [10, 21 – 22].

«Главное наслаждение произведений Набокова – осязать заповедный русский язык, незагазованный, не разоренный вульгаризмами, отгороженный от стихии улицы – кристальный, усадебный, о коем мы позабыли, от коего, как от вершинного воздуха, кружится голова <...> Фраза его прозы – застекленная как драгоценная пастель, чтобы с нее не осыпалась пыльца» [6], – писал А. Вознесенский, восхищаясь «упоительным языком» В. В. Набокова, магией его мастерства.